

Цикада... Измѣните смерть мою въ жизнь,
мои кипарисы—въ лавры и адъ мой—въ небо:
осѣните меня безсмертіемъ, сотворите изъ меня
поэта, одѣньте меня блескомъ, когда я буду пѣть
о смерти, кипарисахъ и адѣ.

Тэнсиллѣ. Чудесно! Вѣдь для любимцевъ
неба самыя лютыя несчастья обращаются въ
наивысшее благо: ибо нужда рождаетъ работу и
трудъ, а они—всего чаще осіяивую безсмертіемъ
славу.

Цикада. И смерть въ одномъ столѣтіи да-
руетъ жизнь во всѣхъ вѣкахъ грядущихъ!

„О героическомъ восторгѣ“.

Такими радужными словами предсказаль свою
судьбу Джордано Бруно въ своемъ знаменитомъ про-
изведеніи, которое главнымъ образомъ изъ нежела-
нія раздражать ханжей и лицемѣровъ онъ не на-
звалъ, какъ ему первоначально хотѣлось, Пѣснью
Пѣсней. Здѣсь геніальный ноланецъ явилъ себя міру
глубочайшимъ философомъ пантеизма, восторжен-
нымъ поэтомъ всезвѣздной Любви и неутомимымъ
борцомъ за свободу, красоту и безсмертіе человѣчества.

Оба произведенія — „Изгнаніе Торжествующаго
Звѣря“ и „О героическомъ восторгѣ“—написаны
Бруно на итальянскомъ языкѣ въ самую счастливую
пору его скитальческой и страннической жизни, съ
1583 по 1585 г., когда онъ жилъ въ Англіи, которая
и въ то время была надежнымъ пріютомъ для изгнан-
никовъ. Но и тамъ, въ туманномъ, холодномъ Лондонѣ,
нерѣдко предъ глазами человѣка, который съ гордо-
стью говорилъ о себѣ: „всѣ ледники Кавказа не въ

силахъ охладить огонь моего сердца“, вѣщимъ и жуткимъ видѣніемъ возникала картина пышной огненной процессіи, что ждала его въ Римѣ.

Предчувствіе очень рѣдко обманываетъ геніальныхъ людей: на рубежѣ XVI и XVII столѣтія, въ 1600 году, въ юбилейный годъ папы Климента VIII, когда въ Римѣ собрались десятки тысячъ вѣрующихъ католиковъ со всего міра, 17 февраля, на площади цвѣтовъ, послѣ семилѣтняго заключенія въ тюрьмѣ Джордано Бруно былъ сожженъ по приговору Святѣйшей Инквизиціи.

Единственное свидѣтельство о смерти Джордано сохранилось въ письмѣ кардинала Гаспара Шоппа—религіознаго перевертня, который добился въ Римѣ большихъ почестей, благодаря своему обращенію изъ лютеранства въ лоно католической церкви. Описавъ героическую кончину Джордано, Шоппъ приводитъ слова, которыми еще и въ наши дни изувѣры преслѣдуютъ славную и незапятнанную память великаго мученика за вселенскую правду.

„Такъ онъ былъ сожженъ, погибнувъ жалкою смертью; думаю—отправится теперь въ другіе міры, что самъ понавывдумывалъ себѣ, возвѣститъ тамъ, какъ обычно расправляются Римляне съ нечестивцами и богохульными людьми.“

Въ августѣ 1603 года всѣ произведенія великаго Ноланца зачисляются въ Индексъ запрещенныхъ книгъ; имя его начинаютъ вычеркивать всюду, гдѣ только оно сохранилось; люди, сочувствующіе ему, живущіе его мыслью, остерегаются упоминать о немъ, чтобы не возбудить противъ себя подозрѣній и преслѣдованій всевластной Инквизиціи.

Нужно было три столѣтія, чтобы вѣщія слова Джордано Бруно оправдались на немъ самомъ и

чтобы безсмертная слава осянула, наконецъ и навсегда, его имя.

И это вовсе не случайно, что именно сейчасъ, въ эпоху громадныхъ политическихъ и соціальныхъ переворотовъ, въ эпоху великихъ научныхъ открытій, раскрѣпощающихъ человѣка отъ оковъ стихійнаго рабства, въ радостную эпоху, когда вновь раскрываются передъ земнымъ человѣчествомъ духъ захватывающіе небесные горизонты,—Джордано Бруно сталъ ближе, понятнѣе, роднѣе и дороже намъ.

Вѣдь если бы нужно было возможно кратче опредѣлить, въ чемъ таится чудесная сила и обаяніе его личности, гдѣ лежитъ суть его философіи, каковъ конечный результатъ его неугомоннаго исканія правды, то, по моему, надо было бы сказать твердо и прямо:

Джордано Бруно открылъ путь къ звѣздамъ, безтрепетно воззвавъ людей изъ-подъ власти Звѣря на межзвѣздную дорогу.

Это былъ воистину „гражданинъ вселенной, сынъ Отца - Солнца и Земли - Матери“, человѣкъ титаническаго дерзанія и воли, неугасимаго прометеева огня, необъятнаго всезвѣднаго кругозора... Онъ любилъ повторять, что если для насъ—земныхъ обитателей—жители другихъ планетъ находятся въ небѣ, то для нихъ наша Земля—тоже въ небѣ, а мы—небожители. Онъ утверждалъ, что рѣшенія всѣхъ мировыхъ загадокъ надо искать не гдѣ-то въ заоблачныхъ сферахъ, на седьмомъ и восьмомъ небѣ, а возлѣ насъ и въ насъ самихъ, ибо міръ единъ, нѣтъ ничего презрѣннаго въ мірѣ, все божественно.

Natura est Deus in rebus—Природа есть Богъ въ вещахъ.

Столкновеніе этого обожествлявшаго весь міръ небожителя съ отринувшимъ землю средневѣковымъ

христіанскимъ міромъ было неизбежно: мученическая смерть Бруно въ Римѣ стала мировымъ событіемъ.

Въ томъ же самомъ монастырѣ „Santa Maria della Minerva“, противъ зданія античнаго Пантеона, гдѣ въ послѣдствіи—въ 1633 году—Галилео Галилей послѣ своего торжественнаго отреченія чуть слышно прошепталь чудесное, гулко по всему свѣту повторенное легендой слово: *E pur si muove!*—И все же движется!—Джордано Бруно, выслушавъ себѣ смертный приговоръ отъ Римскаго Первосвященника, въ свою очередь произнесъ смертный приговоръ Папству:

„*Majori forsitan cum timore in me dicitis sententiam quam ego accipiam*“.

√ „Вы съ большимъ страхомъ произносите мнѣ приговоръ, чѣмъ я выслушиваю его.“

Не прошло и трехъ столѣтій, какъ всеильная власть Папства была уничтожена навѣки, а спустя два десятилѣтія послѣ отнятія у Римскаго Понтифекса свѣтской власти, въ Вѣчномъ Городѣ былъ торжественно открытъ памятникъ Джордано Бруно какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, посреди Площади Цвѣтовъ, гдѣ когда-то былъ зажженъ костеръ.

На торжество открытія памятника 9-го іюня 1889 года—собрались въ Римъ со всего міра представители столѣтія, какое провидѣлъ Бруно, столѣтія, которое поняло и оцѣнило его.

„Кто бы ни направился въ Римъ на чествованіе—гласило приглашеніе Международнаго Комитета по устройству памятника—всякій будетъ чувствовать, что различіе націи и языковъ онъ оставилъ за собою и вступилъ въ отечество, гдѣ нѣтъ этихъ перегородокъ. Присутствующіе на открытіи памятника, воздвигаемаго съ согласія и на денежныя средства всѣхъ народовъ, будутъ тамъ свидѣтельствовать, что Бруно

поднялъ голосъ за свободу мысли для всѣхъ народовъ и своею смертию во всемірномъ Городѣ освѣтилъ эту свободу.“

Въ итальянскомъ произведеніи: „Изгнаніе Торжествующаго Звѣря“ на болѣе богато, ярко и живо отразился духовный обликъ Джордано Бруно. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь всего свободнѣе и полнѣе сказалась горячая проповѣдническая натура Ноланца, а въ драматическомъ изложеніи Діалоговъ естественнѣе всего вылилась проповѣдь новой религіи человечества, религія разума и борьбы за свободу мысли и совѣсти, проповѣдь, поставившая Бруно на исторической грани, какъ творца и вдохновителя новой философіи и культуры. Въ этомъ отношеніи „Изгнаніе Торжествующаго Звѣря“ является типичнымъ и характернымъ произведеніемъ для всего шестнадцатаго столѣтія, когда писали и работали надъ созданіемъ новаго европейскаго общества такіе геніальные люди, какъ Коперникъ и Лютеръ, Сервантесъ и Шекспиръ, Бруно и Бэконъ.

Не знаю, какой приѣмъ встрѣтитъ у насъ въ Россіи всегда искреннее и восторженное, порсю буйно-огненное слово Бруно.

Я хотѣлъ своей работой почтить, сколько было въ моихъ силахъ, память геніальнаго мыслителя, поэта и борца, сдѣлавъ пѣвца Всезвѣздной Любви и Героическаго Восторга доступнымъ русскому народу хотя бы въ одномъ только произведеніи.

Служить безсмертному слову—великое счастье!

А. Золотаревъ.

Римъ. 17 декабря 1911 года.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

написанное просвѣщеннѣйшему и свѣтлѣйшему кавалеру
СИНЬОРУ ФИЛИППУ СИДНЕЮ
НОЛАНЦЕМЪ.

Слѣпъ, кто не видитъ солнца, глупъ, кто его не познаетъ, неблагодаренъ, кто не благодарить: не оно ли и свѣтъ, что свѣтитъ, и благо, что возвышаетъ, и благодарѣніе, что радуетъ—учитель чувствъ, отецъ сущаго, творецъ жизни.

Такъ что не знаю, свѣтлѣйшій Синьоръ, куда бы я самъ годился, если бы не уважалъ вашъ умъ, не чтилъ ваши обычаи, не прославлялъ ваши заслуги.

Такимъ показались вы мнѣ съ самаго начала, какъ только я прибылъ сюда, на Британскій Островъ, пожить тутъ, сколько позволить время; такимъ же вы обнаруживаете себя множеству людей при всякомъ удобномъ случаѣ и возбуждаете удивленіе всѣхъ, постоянно проявляя свою природную благосклонность, поистинѣ героическую.

Но думать за всѣхъ нужно всѣмъ, благодарить за многихъ—многимъ.

Рѣшая такъ, судьба не дозволяетъ, чтобы я, самъ не однажды высказавъ себя чувствительнымъ къ несносному и неумѣстному неприличію другихъ, навѣки запечатлѣлъ свою неблагодарность и покинулъ вашу прекрасную, счастливую и гостепримную родину, не благодаривъ, по крайней мѣрѣ, за все, что сдѣлано мнѣ лично, Васъ, а также великодушную и благороднѣйшую личность синьора Фолька Гривелла.

Онъ соединенъ съ вами узами тѣсной и долгой дружбы,

вмѣстѣ съ нимъ вы росли, питались и воспитывались, множествомъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ совершенствъ. Онъ походитъ на васъ, да и по отношенію ко мнѣ онъ былъ тѣмъ вторымъ, кто послѣ васъ пригласилъ меня и предложилъ мнѣ занять вслѣдъ за вашими, первыми, вторыя должности у себя. И я бы ихъ принялъ, а онъ, конечно, поручилъ мнѣ, если бы завистливая Эриннія не разсѣяла межъ нами свою отраву подлой, злокозненной и безчестной корысти.

Такъ что, приберегая для него нѣкую иную матерію, вотъ я посвящаю вамъ эти діалоги, которые, конечно, будутъ хороши или дурны, цѣнны или негодны, возвышенны или подлы, учены или невѣжественны, высоки или низки, полезны или вредны, плодотворны или бесплодны, густы или разбавлены, религіозны или непосвященны, какъ и изъ тѣхъ, въ чьи руки они подадутся, одни—будутъ одарены свойствомъ однимъ, другіе—совсѣмъ противоположнымъ.

И такъ какъ глупыхъ и несправедливыхъ несравненно больше, чѣмъ умныхъ и справедливыхъ, то если бы я добивался славы и иныхъ плодовъ, приносимыхъ хоромъ голосовъ, мнѣ не только нечего было надѣяться на радостный успѣхъ своихъ занятій и трудовъ, а скорѣе нужно было бы ждать поводовъ для недовольства и предпочесть молчаніе слову. Если же, напротивъ, цѣль моя—быть на виду у вѣчной истины, для коей все то, что не только очень немногіе разубнають, ищутъ, достигаютъ, но что, мало того, преслѣдуется, презирается, проклиняется,—тѣмъ болѣе становится цѣннымъ и высокимъ: то я всякій разъ съ тѣмъ большею силою стремлюсь побороть бурный потокъ, чѣмъ очевиднѣе для меня, что извилистое, глубокое и наклонное русло придастъ ему большую силу.

Итакъ, пусть толпа смѣется, шутитъ, издѣвается, восхищается комедіантами и скоморохами, подъ маскарадною внѣшностью которыхъ въ надежной сохранности скрыто сокровище доброты и истины: все равно, какъ обратно, развѣ мало есть такихъ, что подъ сурово насупленными бровями, кроткимъ видомъ, длинною бородою и тогою, наставнически-важною, стараются ко всеобщему вреду скрыть свое столько же позорное, сколько горделивсе невѣжество и столь же опасныя, сколь прославленныя злодѣянія.

Тутъ многіе изъ тѣхъ, что не могутъ приобрѣсти себѣ



Астрологическая карта
изъ рѣдчайшей книги Апіана XVI вѣка.

Библиотека Императорской Пулковской обсерваторіи.

